

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

БИБЛИОТЕКА
СУДЕБНОГО
ЭКСПЕРТА

БЭ

№ 4 (12) 2008

Бе́лянин Валерий Павлович,
профессор кафедры общей и юридической
психологии Калужского государственного
педагогического университета
им. К.Э. Циолковского, профессор,
доктор филологических наук

АВТОРСКИЙ СМЫСЛ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОТМЕЧЕННОГО ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЧНОСТИ АВТОРА

Одно из достаточно полных определений текста таково: текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую направленность и прагматическую установку (Гальперин И.Р., 1981).

Понятно, что реальный текст может обладать не всеми характеристиками, и может содержать в себе элементы других семиотических систем (рисунки, параграфемные выделения). Реальные тексты бывают разного объёма – от одного слова до полного собрания сочинений. Можно ли говорить о том, что весь континуум обладает общими характеристиками? Можно, но видимо, не очень продуктивно. Именно поэтому и существует жанровый подход к тексту, который позволяет более прицельно описывать тексты разных типов.

Если говорить о возможности реконструкции личности по тексту, то понятно, что имеется континуум текстов по критерию про-

явления в них личности автора. В научном тексте личность будет проявляться в левополушарной логике высказываний, в выбранной системе мировоззренческих координат, несколько реже в выборе объекта осмысления. В публицистическом тексте (особенно в журналистском) личность журналиста будет «прикрыта» сенсационностью сообщения, броскостью подачи информации, столкновением позиций, т.е. будет как бы заведомо демонстративной и броской. Тем самым, сама же личность автора может быть скрыта за маской «возмутителя спокойствия». Или, наоборот, за маской «утверждающего ценности». Если можно так сказать, это будет скорее личность журналиста, чем личность автора.

Художественный же текст будет эмоционально и личностно отмеченным в большей степени. Несомненно, что личностное начало будет манифестироваться также и в превращённой форме (образов, метафор, типизации, обобщений, афористики, недомолвок, аллюзий, чужих слов, сюжетных ходов), но проявлений будет явно больше. Чем в большей степени текст оценочен, чем больше в нём интерпретативности, тем более он эмоционально отмечен. К числу эмоционально-отмеченных текстов всё же можно отнести

часть публицистических (журналистских), но в целом это больше относится к художественным текстам, к текстам личных посланий, текстам дневниковых записей и др. (Однако, предсмертные записки чаще оказываются стереотипными в силу деструктивного состояния автора, а тексты угроз искажёнными желанием уйти от идентификации).

Построение алгоритма описания значения эмоционально-отмеченного (в том числе и художественного) текста осложнено многозначностью и многоуровневостью литературного произведения. И тем не менее, представляется возможным выявление авторского смысла такого текста, под которым мы понимаем исходную семантическую программу порождения текста.

Авторский смысл обладает рядом особенностей. Во-первых, он имплицитен, поскольку в сознании автора он существует только в свернутом виде. «Мысль совершается в слове» (Л.С. Выготский), – это положение говорит ещё и о том, что замысел ненаписанного текста неэксплицитен. Во-вторых, авторский смысл динамичен, и не только потому, что он разворачивается в процессе написания текста, но и потому что он может быть противоречивым, неявно выраженным, многокомпонентным. В-третьих, он неоднороден, поскольку проявляется на нескольких уровнях смысловой организации текста (от слова до сверхфразового единства). В-четвёртых, он неполон, поскольку автор не всегда бывает уверен, что он выразил именно то, что он хотел сказать. (Последний аспект авторского замысла подтверждается наличием метатекстовых высказываний автора – комментариев к тексту после его опубликования). В-пятых, он искажён языковой формой (клише, штампы, языковыми стандартами, степенью владения языком). Он зависит от условий выражения (временных и пространственных ограничений), условий реализации и даже материала выражения (если допустим, он создан на компьютере или губной помадой на стекле туалета). Изменение состояния автора в разные периоды написания текста (или даже просто перерывы во времени исполнения) также окажет своё воздействие. Мы не говорим тут о реализации чужого замысла (о разведении автора и исполнителя), поскольку эта тема требует особого рассмотрения.

И, конечно же, авторский смысл может попадать в разные контексты восприятия. Та-

ких контекстов может быть много: контекст времени написания, времени публикации и времени прочтения; контекст ситуации в момент написания и в момент прочтения, контекст жанра, контекст источника публикации, контекст других публикаций того же плана. Языковая форма текста в силу самой природы языка как «нежёсткой системы знаков» тоже будет размывать его смысл (делать его неоднозначным). И, конечно же, многочисленные «внутренние контексты», принадлежащие реципиенту, тоже будут вносить свой вклад в «умножение сущностей», в разные интерпретации авторского смысла.

Ряд исследований (Т.Н. Ушакова, И.В. Арнольд, М. Арнаудов, А.М. Левидов и др.) позволяет утверждать, что, несмотря на множество ограничений авторский смысл эмоционально-отмеченного (в том числе художественного) текста может быть выявлен и описан.

Продуктивным тут представляется психолингвистический подход. Вот что гласит одно из самых первых определений этой дисциплины, данное Ч. Осгудом в 1954 г. «Психолингвистика изучает те процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода, и эти сигналы преобразуются в интерпретации слушающих. Другими словами, психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования, поскольку они соотносят состояние сообщений с состоянием участников коммуникации» (цит. по Белянин В.П., 2007, с. 12)

Если говорить о психолингвистическом подходе к тексту, то реконструкция авторского смысла может быть основана на том, что смысловая модель текста должна быть соотнесена в первую очередь не с лингвистическим, литературоведческим, или культурологическим пространством, в котором текст неизбежно существует, а с психологическим. Все остальные пространства задают вполне определённые интерпретации, каждая из которых вполне объективна. Психологическое же пространство текста задаёт субъективные смыслы, они проективны, они подвижны, но и они объективны в своей субъективности.

По нашему убеждению, в художественном тексте существует некоторая доминанта, которая является ведущим психологическим конструктом. Мотивация «поступков» персонажей художественного текста обусловлена

теми «обстоятельствами», в которых они оказываются по воле автора и теми «соображениями», которые приписывает им автор. Герой художественного текста не самостоятелен в выборе своей роли-функции ни в облике, ни в поступках; он является плодом игры ума автора, точнее, его доминанты.

Ни жанр, ни стиль, ни языковой уровень реализации эмоционально-отмеченного текста в целом не случайны с позиции доминанты. Они зависят от неё и обусловлены ею. Доминантой в психологии называется господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе. Согласно А.А.Ухтомскому, она определяет направленность поведения и мышления человека, а также весь характер восприятия мира. От доминанты зависит «облик, под которым рисуется нами мир и люди», – писал он (Ухтомский А.А., 1966, с.82). Предлагая выделить в эмоционально-отмеченном тексте доминанту, мы утверждаем, что именно она является основой интегрального авторского смысла, из которого разворачивается текст на всех его уровнях.

Эмоционально-смысловая доминанта, создавая основу модели порождения текста, определяет его психологическое содержание, речевую системность и является квинтэссенцией авторского замысла. Мы полагаем, что существуют разные эмоционально-смысловые доминанты, и в основании разных эмоционально-смысловых доминант лежат разные типологические черты личности и акцентуации характера (Белянин В.П., 2006). Принятие идеи «автор как личность» расширяет процесс исследования и рассматривает не текст сам по себе, а в контексте речемышлительной деятельности автора и читательского восприятия. Вопрос об авторском смысле текста тем самым переносится в область психологии личности. А там он может быть продуктивно решён на основе типологического подхода. Опуская аргументацию (возводимую к работам Е.Кречмера, А.Одина, Дж.Нисбета, В.Штекеля и др. учёных), отметим, что при анализе личности автора художественного текста продуктивным оказывается прежде всего подход с позиции типологии акцентуированной личности (мы не вступаем в дискуссию о том, чему ближе акцентуация – норме или психопатии, считая акцентуацию выраженным («заострённым») свойством личности и особенностью характера, определяющей социальное поведение и жизнедеятельность

человека (Л.И. Вассерма, Б.Д. Карвасарский, Л.Н. Собчик)).

В том случае, если текст «нормативен», не содержит выраженной позиции, не выделяется ни в языковом, ни жанровом плане, личность автора скрыта либо за шаблонами и штампами, либо за маской (как языковой, так и не языковой). Говорить о личности автора тут сложнее. Можно говорить об авторской позиции, но не о самом авторе как личности. И лишь допущение о «нестандартности» автора позволяет увидеть его индивидуальность. Однако, это не столько допущение, сколько реальность. Автор эмоционально-отмеченного текста должен быть хотя бы немного акцентуированным (Клинический ..., 1928, В.П. Руднев). Именно соотнесение авторского смысла с моделью мира акцентуированной личности позволяет увидеть в нём системность особого плана. Подчеркнём ещё раз, что проблему смысла текста можно решить по-разному: от действительности (от содержания, от реальных событий), от текста (от его «эстетики» и языка), и от автора (от его личности и организации психики). И, конечно же, задачи экспертизы ставят задачу анализа текста «от читателя» (от того, какое воздействие он произвёл на него, как он был воспринят, понят и оценен).

Если взять за основу классификацию П.Б.Ганнушкина и идти «от личности», то можно получить следующую типологию эмоционально-отмеченных текстов: конституционально-депрессивные личности создают «печальные» типы текстов; гипертимные личности создают «весёлые» тексты; депрессивные – «печальные»; циклотимы – «печально-весёлые»; астеники – «усталые»; шизоиды – «сложные»; паранойяльные – «активные», и «светлые» (по мнению Л.Н. Собчик, он создан сензитивно-тревожной личностью); эпилептоиды – «простые», «тёмные», «сумеречные», «вязкие» и «жестокие»; истероиды – «красивые» и «эпатажные» (Репина Е.А., 2001); антисоциальные – «интенсивные». Возможно также выделение «объективных» (экстраверсия) и «субъективных» (интроверсия) текстов (Гиль О.Г., 2000). Естественно, что существует большое количество «смешанных» типов текстов, например, «агрессивные» (Репина Е.А., 2001), а очень большая часть текстов вообще не укладывается в эту типологию и/или являются неакцентуированными (как «добрые» или «сусальные»).

Реконструкция авторского смысла в рамках предлагаемой концепции основана на следующих процедурах.

1. Описание смысловой структуры текста безотносительно к контекстам его существования, в его формализованном виде.

2. Соотнесение формализованной смысловой структуры текста с определённым типом психологической структуризации мира, с некоторой «моделью мира».

3. Определение эмоционально-смысловой доминанты текста, и соотнесение с личностной доминантой или возможной доминантой акцентуированного плана.

4. Формализованное описание авторского смысла текста на основе эмоционально-смысловой доминанты текста.

Подчеркнём, что принадлежность текста к тому или иному типу определяется на основании достаточно жёстких критериев семантического и формального плана (Белянин В.П., 2006).

Предлагаемый метод анализа позволяет увидеть перспективы развития психолингвистики текста в следующем. Во-первых, могут быть описаны лексико-семантические поля с позиции выраженности в них личностных смыслов (тем самым, лексемы могут выступать своего рода предикторами акцентуаций или в целом личностных особенностей). Во-вторых, могут быть разработаны синтаксические структуры анализа текста, которые могут привести к созданию психосинтаксиса как науки о личностных коррелятах речевых

структур. В третьих, могут быть разработаны методы создания пратекста (прототекста), которые могут оказаться продуктивными для сопоставления разных интерпретаций и толкований одного и того же текста в целях определения степени их адекватности авторскому замыслу.

Подчеркнём ещё раз, что описанный выше подход не может заменить какие-либо иные, он лишь позволяет увидеть и описать некоторые грани его существования в индивидуальном сознании.

Литература:

1. Белянин В.П. Психологическое литературоведение.-- М.: Генезис, 2006. – 320 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистика. – 4-е изд., испр., доп.- М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2007. – 232 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.– М.: Наука, 1981. – 296 с.
4. Гиль О.Г. Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000 – 20 с.
5. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатология) / Под ред. Сегалина.- Свердловск, 1925-1928.
6. Репина Е.А. Психолингвистические параметры политического текста. Автореф. ... канд. филол. наук.– М. , 2001. – 24 с.
7. Ухтомский А.А. Доминанта. – М., Л.: Наука, 1966 – 249 с.